

«МИР, ПРОГРЕСС, ПРАВА ЧЕЛОВЕКА»

Публикации Музея и общественного центра
имени Андрея Сахарова

ВЫПУСК 2

БЕЛОРУССИЯ И РОССИЯ:

ОБЩЕСТВА И ГОСУДАРСТВА

Редактор-составитель Д. Е. Фурман

Москва

Издательство
«ПРАВА ЧЕЛОВЕКА»
1998

Олег БУХОВЕЦ,
Дмитрий ФУРМАН

ЭЛЕКТОРАЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ БЕЛОРУССКИХ РЕГИОНОВ

1. Белорусский «политический рельеф»

Первые же – сначала «полусвободные», а затем просто свободные – выборы и референдумы позднесоветской, горбачевской эпохи выявили в Белоруссии (как, впрочем, и во всех республиках СССР) значительные различия в электоральном поведении – степени электоральной активности и политических предпочтениях – разных регионов. Эти различия в дальнейшем оказываются очень устойчивыми, и совершенно очевидно, что они не случайны и порождены не только событиями 1990–1991 гг. Сохраняясь значительно позже этого периода, они и возникли значительно раньше него – в советское (и где-то еще досоветское) время и в основном лишь вышли на свет в эпоху горбачевской демократизации.

Нам не удалось обнаружить данных об электоральной активности жителей отдельных областей на выборах народных депутатов СССР в 1989 г., но в целом по БССР она была очень высокой – 92,2%¹. Но у нас есть довольно интересные данные о белорусской части межрегиональной депутатской группы, сосредоточивавшей в тот период все либеральные и потенциально-антикоммунистические элементы среди народных депутатов. Всего в МДГ, по данным, предоставленным нам бывшим народным депутатом СССР А. Добровольским, было 14 белорусских депутатов². Из них: 6 (43%) – из Минска, 3 (21,4%) – из Гомеля и Гомельской области, 4 (28,6%) – из Могилева и Могилевской области, 1 (7%) – из Витебска. Если исключить двух депутатов от ВЛКСМ (одного – из Минска, одного – из Бобруйска Могилевской области), цифры будут следующие: от Минска – 42%, от Гомельской области – 25%, Могилевской – 25%, Витебской – 8%.

Но выборы народных депутатов СССР – первые и лишь относительно свободные – дают лишь очень смутное представление о политико-идеологических предпочтениях. Значительно больше информации содержат данные о выборах в Верховный Совет БССР в марте 1990 г. и о голосовании на общесоюзном референдуме о будущем СССР 17 марта 1991 г. Их результаты обобщены в таблице 1.

Таблица 1

**Результаты выборов в Верховный Совет БССР
XII созыва и референдума о сохранении СССР
(данные — в %)**

	Гродненская область	Брестская область	Минская область	Витебская область	Гомельская область	Могилевская область	г. Минск	Белоруссия в целом
	89.7	90.5	92.6	88.4	87.9	85.2	75.3	87
	9.8	14.7	18.6	15.7	10.8	5.9	24.5	100
	7	9.3	16.3	11.6	13.9	4.6	37.2	100
	11.5	7.6	15.4	11.5	3.8	0	50	100
	85.2	87.2	86.6	86	85.3	82.9	71.1	83.3
	79.8	83.7	85	85.8	89.6	87.7	65.6	82.7
	19	15.05	14	13	9.3	11.5	32.7	16.1
<i>Выборы в ВС XII созыва</i>								
Участвовали в голосовании ²								
Удельный вес депутатов от данной области в Депутатском клубе (29.6% от общего числа депутатов) ⁴								
Удельный вес депутатов от данной области в оппозиции БНФ (12.5% от общего числа депутатов)								
Удельный вес депутатов от данной области в депутатской группе БНФ (7.5% от общего числа депутатов)								
<i>Референдум 17.03.1991 г.</i>								
Участвовали в голосовании ⁵								
Ответили «да»								
Ответили «нет»								

Мы видим, что в обоих голосованиях электоральная активность ниже всего – в столице, городе Минске, причем различия в активности избирателей между ним и «остальной» Белоруссией очень значительны и заметно больше различий между областями. На выборах в Верховный Совет активность минчан на 11,7%, а на референдуме – на 12,2% меньше среднебелорусской. Между тем различия между областями не так велики и колеблются в диапазоне от 7,4% на выборах в ВС между самой активной Минской и самой пассивной (если не считать Минска) Могилевской областями до 4,3% на референдуме – между самой активной, на этот раз Брестской, и самой пассивной, опять таки Могилевской.

Но если минские избиратели – пассивны, то активность кандидатов здесь, напротив, очень высока. Если в среднем в Белоруссии на округ приходилось чуть больше 5 кандидатов (и были округа, где на одно место был один кандидат), то в Минске за каждый округ боролись от 10 до 15 человек⁶. И также далеко впереди всей Белоруссии Минск по «антисоветскому», национал-демократическому голосованию.

Оппозиция в ВС XII созыва представляла как бы три концентрических круга. Самый широкий – Демократический депутатский клуб, куда входили все мало-мальски независимые депутаты (в нее входил даже А. Лукашенко), средний – оппозиция БНФ (12,2% депутатов) и самый маленький (всего 7,5% депутатов) – твердое ядро «бенефитцев» – Депутатская группа БНФ, возникшая после отхода от БНФ более умеренной группировки – Белорусской социал-демократической Громады. Доля депутатов от Минска во всех трех группах непропорционально велика, причем она растет от более широкого к более узкому оппозиционному объединению, достигая в самой твердоопозиционной депутатской группе БНФ – 50%. И также велики различия Минска от областей по числу голосов, поданных против сохранения СССР. В Минске «против» проголосовало на 16,6% больше, чем во всей Белоруссии, в то время как в следующей за Минском по числу «антисоветчиков» Гродненской области – только на 2,9% больше.

Отличие областей друг от друга и по активности, и по национал-демократизму значительно меньше, чем отличие Минска от областей. Тем не менее они отчетливо прослеживаются. Западные области – Гродненская, Брестская и Минская – заметно активнее восточных – Витебской, Гомельской и Могилевской, причем Могилевская по активности в обоих голосованиях – на последнем месте. Но в отличие от Минска, где «антисоветскость» положительно коррелирует с электоральной пассивностью, в областях она, наоборот, коррелирует с активностью.

Мы видели, что среди белорусов – членов Межрегиональной депутатской группы кроме минчан были депутаты из восточных – Могилевской, Гомельской и Витебской областей, что в какой-то мере может

свидетельствовать о наличии там оппозиционных настроений. Но это – «первый и последний раз». На всех последующих белорусских голосованиях западные области не только более активные, но и менее «советские» (или более «антисоветские»), а восточные, Могилевская и Гомельская, напротив – более пассивные и более «советские». Различия между областями по измерению «советскость – антисоветскость» в голосованиях 1990–1991 гг. не так велики, как различия Минска и областей, но все же достаточно заметны. В депутатской группе БНФ от трех восточных областей (Гомельской, Могилевской и Витебской) – 15,3% депутатов, причем от Могилевской – 0%, а от трех западных (Гродненской, Брестской и Минской) – 30,6%. По удельному весу ответивших «нет» на вопрос о сохранении СССР западные области опять-таки впереди восточных, причем впереди всех – Гродненская. Меньше всего ответивших «нет» – в Гомельской и Могилевской.

Между референдумом о судьбе СССР и следующим свободным голосованием белорусов – выборами президента в 1994 г. – проходит более трех лет, наполненных самыми драматическими событиями. За это время происходят: избрание умеренного национал-демократа профессора С. Шушкевича сначала первым заместителем председателя, а затем председателем Президиума ВС, а типичного «номенклатурщика» В. Кебича председателем Совета Министров; массовые забастовки в апреле 1991 г.; августовский «путч» в Москве и провозглашение независимости Республики Беларусь; принятие новой символики, еще недавно считавшейся чуть ли не фашистской, и начало интенсивной белорусизации; Беловежские соглашения, в заключении которых сыграл определенную роль С. Шушкевич; борьба БНФ за роспуск «реакционного» ВС, уходить не желающего, в ходе которой произошел разрыв БНФ и С. Шушкевича, требования роспуска не поддержавшего; постепенное усиление конфликта Шушкевича и Кебича, которого поддерживало большинство ВС, и смещение Шушкевича; решение ВС об учреждении поста президента, принятое специально в расчете на то, что никакого иного президента, кроме Кебича, быть не может; неожиданное выдвижение на первый план в предвыборной гонке популистского политика, борца с коррупцией и национализмом и за интеграцию с Россией А. Лукашенко и многое другое. В 1991–1992 гг. «тон» в обществе задает БНФ, растерянная партноменклатура вынуждена в какой-то мере выполнять программу национал-демократов (что до известной степени совпадает с ее интересами, естественным стремлением освободиться от диктата Москвы). К 1994 г. настроения меняются – распад СССР приводит к резкому падению жизненного уровня, а белорусизация порождает резкое недовольство самых широких слоев населения, обладающих лишь очень «смутным» национальным самосознанием и

недовольных необходимостью учить уже забытый ими родной язык. В Белоруссии усиливается в это время «просоветская» реакция, принимающая здесь, как и везде, кроме России, антинационалистическую окраску и особые, специфически белорусские, популистские формы и в конечном счете приведшая к власти А. Лукашенко.

На первом туре президентских выборов 1994 г. были представлены следующие кандидаты: А. Дубко, аграрий, известный председатель гродненского колхоза «Прогресс»; В. Кебич, председатель Совета Министров, «объединенный кандидат номенклатуры»; А. Лукашенко, директор совхоза «Городец» Шкловского района Могилевской области; В. Новиков, секретарь ЦК Партии коммунистов Беларуси, у которого и основные лозунги, и основной электорат отбирает Лукашенко, и два национал-демократических кандидата – более умеренный представитель либерального истеблишмента профессор С. Шушкевич и лидер БНФ, ярый националист и «русофоб» З. Позняк. На второй тур проходят только Кебич и Лукашенко, который и побеждает с колоссальным перевесом. Какие же изменения в «политическом рельефе» Белоруссии мы можем констатировать на основе голосования 1994 г. по сравнению с позднесоветской «перестроечной» эпохой? Посмотрим таблицу 2.

Исходя из всего того, что мы знаем о событиях 1991–1994 гг., мы могли бы ожидать каких-то очень драматических, резких изменений в белорусском электоральном поведении. Но ничего особенно драматического мы не видим. Основной «рельеф», выявившийся в позднесоветских голосованиях, сохраняется.

Минск – все так же значительно пассивней областей. На первом туре активность минчан отстает от среднебелорусской на 8,8%, в то время как активность областей колеблется в очень узком диапазоне (разница между самой активной и самой пассивной областями – 4,6%). Во втором туре, когда стало ясно, что популярные в Минске З. Позняк и С. Шушкевич не прошли, активность минчан упала еще больше и разница между ней и общебелорусской активностью достигла 18,7%.

И опять-таки Минск резко впереди областей по «национал-демократичности» голосований. На первом туре оба «национал-демократических» кандидата – З. Позняк и С. Шушкевич – получают в Минске 42,19%, что значительно (на 19,46%) больше, чем в Белоруссии в целом (22,73%). А Лукашенко, напротив, получает в Минске значительно меньше голосов, чем во всей стране (на 18,34% меньше от участвовавших в голосовании в I туре и на 10,4% на II туре, от числа же всех избирателей на втором туре, на который многие минчане не пришли, – на 20,43% меньше). При этом не только сохранился разрыв Минска с областями, но, что, пожалуй, более интересно, в значительной степени сохранилась и величина минского «антисоветского потенциала». На

Таблица 2

Президентские выборы 1994 г.
(данные - в %)

	Гродненская область	Брестская область	Минская область	Витебская область	Гомельская область	Могилевская область	г. Минск	Белоруссия в целом
I тур								
Участвовали в голосовании	80,3	83,4	82,8	79,2	78,8	79,4	70,2	79
Голосовали «за»								
А. Лукашенко	9,01	5,3	7,92	6,72	5,15	4,38	3,5	5,98
В. Кебича	14,59	13,86	14,93	19,32	23,08	16,97	18,24	17,33
А. Лукашенко	36,31	53,47	44,46	45,96	45,57	63,01	26,48	44,82
В. Новикова	3,27	3,17	4,29	5,95	4,99	3,53	4,53	4,29
В. Позняка	21,21	11,72	15,34	9,41	6,33	4,68	20,98	12,82
С. Шушкевича	10,38	8,7	8,65	7,12	8,59	3,83	21,21	9,91
II тур								
Участвовали в голосовании	72,1	77,7	76,7	72,7	72,5	73,5	51,9	70,6
Голосовали «за»								
В. Кебича	12,6	10,3	12,3	15,2	18,1	11,6	19,8	14,2
А. Лукашенко	81	84,9	82,4	80	77,4	85,3	70	80,4
Недействительные бюллетени	6,4	4,8	5,3	4,8	4,5	3,1	10,2	5,4

референдуме 1991 г. против СССР высказалось 32,7% голосовавших минчан (23,2% всех минских избирателей), а в 1997 г. за Позняка и Шушкевича – 42,19% (38,06%). Если мы примем во внимание, что голосование «против» СССР психологически было значительно труднее, чем голосование «за» этих кандидатов, мы должны будем признать, что разница не так велика и особенно драматических перемен в мировоззрении минчан за эти бурные годы не произошло.

Никаких особых изменений нет и в сравнительной активности областей. В первом туре по активности области образуют следующую иерархию – Брестская, Минская, Гродненская, Могилевская, Витебская, Гомельская. Во втором – Брестская, Минская, Могилевская, Витебская, Гомельская, Гродненская. В основном это тот же устойчивый порядок, который проявился и в позднесоветских голосованиях. Различия минимальны и легко объясняются ситуативными факторами. Гродненщина, популярные в которой кандидаты на второй тур не прошли, резко снизила (как и Минск) от первого ко второму туру свою активность. Напротив, Могилевщина, поддерживающая «своего» А. Лукашенко, несколько активизировалась.

Не так велики и изменения в относительной «национал-демократичности» и, наоборот, «советскости» областей. В голосовании о судьбе СССР наименее «советской» областью оказалась Гродненская. Затем шли – Брестская, Минская, Витебская, Могилевская и Гомельская, причем разница в числе ответивших «нет» между «крайними» Гродненской и Гомельской – 9,7%. Иерархия голосований за Позняка и Шушкевича в 1994 г. следующая: Гродненская, Минская, Брестская, Витебская, Гомельская, Могилевская. Это практически тот же порядок, с запада на восток⁸.

Голосование 1994 г. выявило и очень интересные отличия в политической направленности национал-демократического голосования Минска и областей. Если в Минске из двух «нацдемовских» кандидатов наиболее популярен – умеренный и воплощающий скорее либеральный и демократический аспект национал-демократического направления Шушкевич, то во всех областях, кроме Гомельской, его опережает националист Позняк, который наибольшую поддержку получил на Гродненщине, где за него проголосовало даже больше избирателей, чем в Минске. При этом в голосовании за Позняка разница между «крайними» Гродненщиной и Могилевщиной (16,53%) – больше, чем в голосовании за Шушкевича (6,55%). Как скорее национализм, чем демократизм, сближает гродненское голосование с минским, так он же скорее разделяет Запад и Восток, Гродненщину и Могилевщину.

Самым ярким событием, связанным с выборами 1994 г. и оказавшим колоссальное влияние на последующую историю Белоруссии, является, естественно, победа А. Лукашенко. Это была, действительно,

своего рода популистская «электоральная революция», ибо белорусский народ проголосовал за человека, не поддерживаемого никакими влиятельными группами элит, и полностью отверг «кандидата объединенной номенклатуры» Кебича. Но и эта «революция», если мы внимательно посмотрим на цифры электоральной статистики, окажется относительно «поверхностной», за яркими изменениями «на поверхности» и здесь кроется большое постоянство «в глубине».

А. Лукашенко, добавив к лозунгам интеграции с Россией, борьбы с белорусским национализмом и с «грабительским капитализмом», общим у него с коммунистами и с Кебичем этого периода, сильный анти-элитарный импульс, смог использовать накопившееся недовольство элитой и перехватить электорат Кебича и Новикова, т. е. просоветский и антикапиталистический электорат. Но этот процесс произошел лишь в рамках данного электората, который отнюдь не расширился, а, пожалуй, даже и сократился. За СССР в 1991 г. высказались 87,7% голосовавших и 68,8% всех избирателей, а за Лукашенко, шедшего к победе и власти с лозунгами единства с Россией, т. е. фактически возврата к СССР, на II туре в 1994 г. – 80,4% и 56,3%⁹. Но даже если мы будем условно считать сторонниками СССР всех голосовавших на втором туре и за Лукашенко, и за Кебича (который – тоже «интеграционист», но не такой страстный), это будет всего-навсего 66,8% всех избирателей. Разгром национал-демократов выглядит очень драматично, если мы исходим из той роли, которую они играли на поверхности общественной жизни в 1989–1993 гг. Но эта роль возникла не из победы на выборах, а скорее из общей ситуации распада СССР, их активности и, наоборот, пассивности и чувства бессилия их противников, преодоленного к 1994 г. Если же сравнить результаты голосований, то мы увидим, пожалуй, даже некоторое усиление национал-демократических позиций. Против СССР в 1991 г. были 16,1% голосовавших (14% всех избирателей), а за Позняка и Шушкевича – все же 22,73% (17,96% избирателей). Это усиление очень невелико, но важно, что глубинные процессы в белорусском сознании шли за это время, хотя и медленно, в направлении, противоположном быстрым и драматическим изменениям на поверхности политической жизни.

Тем не менее ближайшую историю Белоруссии, естественно, определяло то, что произошло на «поверхности» – исход голосования на выборах 1994 г. Лукашенко идет к диктатуре. Он распускает ВС XII созыва и организует референдум, приуроченный к выборам нового Верховного Совета, принесший ему новую победу. Результаты его обобщены в таблице 3.

Таблица 3

Референдум 14.05.1995 г.¹⁰
(данные - в %)

	Гродненская область	Брестская область	Минская область	Витебская область	Гомельская область	Могилевская область	г. Минск	Белоруссия в целом
Участвовали в голосовании	65.3	69.3	69.6	66.9	67	64.4	52.3	64.8
За	75.4	82.9	80.7	87.4	88.5	90.2	76.4	83.3
Против	19.9	12.5	14.9	9.1	7.1	6	20.4	12.7
Недействительные бюллетени	4.7	4.6	4.4	3.5	3.9	3.8	3.2	4
Вопрос: «Поддерживаете ли Вы предложение об установлении нового государственного флага и государственного герба?»								
За	68.6	74.9	74.3	80.5	83.1	84	58.9	75.1
Против	26.3	20.2	21	15.7	12.6	12	37.2	20.5
Недействительные бюллетени	5.1	4.9	4.7	3.8	4.3	4	3.9	4.4
Вопрос: «Поддерживаете ли Вы деятельность президента Республики Беларусь, направленную на экономическую интеграцию с Российской Федерацией?»								
За	76.7	83.3	82.2	87.2	89.4	90.1	73.5	83.3
Против	18.4	12	13.3	9.3	6.5	6.1	23.1	12.5
Недействительные бюллетени	4.9	4.8	4.5	3.6	4.1	3.8	3.4	4.2
Вопрос: «Согласны ли Вы с необходимостью внесения изменений в Конституцию Республики Беларусь, которые предусматривают возможность досрочного прекращения полномочий Верховного Совета президентом РБ в случаях систематического или грубого нарушения Конституции?»								
За	73	78.8	76.6	81.9	83.6	84.7	64.5	77.7
Против	21.8	16.2	18.4	14.3	11.9	11.3	31.7	17.8
Недействительные бюллетени	5.2	5	5	3.8	4.4	4	3.8	4.5

Мы видим, что значительно уменьшилась общая электоральная активность. Она вообще уменьшается от голосования к голосованию. На выборы народных депутатов СССР пришли 92,2%, на выборы в Верховный Совет 1990 г. – уже только 87%, во время референдума 1991 г. – 83,3%, на первый тур президентских выборов – 79%, второй – 70,6%. Сейчас – всего 64,8%. Но этот общий упадок активности более или менее в равной мере затрагивает все регионы, не меняя их «иерархии». Минск опять, с большим отрывом от областей, – самый пассивный. Самая активная область снова – Брестская, самая пассивная – снова Могилевская.

Наши данные позволяют установить еще одну интересную особенность региональных «стилей» голосования. На Западе – больше недействительных бюллетеней, на Востоке – меньше, причем порядок областей по числу таких недействительных бюллетеней довольно постоянен (если не учитывать исключительно большого числа таких бюллетеней в Минске во время второго тура президентских выборов) и более или менее совпадает с порядком областей по активности голосования. Впереди всех – Гродненская область, позади – Могилевская. Создается впечатление, что неопределенная позиция, незнание, как голосовать, на Востоке скорее приводят к тому, что избиратели просто не идут голосовать, а на Западе – к тому, что идут, но бросают незаполненный бюллетень.

Сохраняется и уже известная нам иерархия регионов по степени «национал-демократизма» голосований. Опять-таки впереди всех с большим отрывом – Минск, затем идут Гродненщина, Минская и Брестская области, Витебщина и наконец Гомельщина и Могилевщина. И потенциалы «советских», «пролукашенковских» и «антисоветских», «антилукашенковских» настроений также относительно постоянны. Во втором туре президентских выборов Лукашенко получил 56,7% от числа всех избирателей. На референдуме же, если подсчитать процент голосов «за» не от участвовавших в голосовании, а от числа всех избирателей (а совершенно ясно, что многие противники Лукашенко, заранее понимая, каким будет исход референдума, на него просто не пошли), мы увидим следующую картину: по вопросу о языке Лукашенко получил 53,9%, об интеграции – 53,6%, о символике – 49,4%, о полномочиях президента – 50,3%.

Проявившаяся на выборах 1994 г. тенденция к большей «демократичности» минского голосования и большей «националистичности» – регионального западного видна и в результатах референдума. В чисто «национальном» вопросе о языке разница между голосованием «против» в Минске и самой «антисоветской» из областей – Гродненской – минимальна – 0,5%, как минимальна и разница между минским и общереспубликанским голосованием – 7,7%. Наоборот, максимальное раз-

личие – в голосовании по вопросу, не имеющему специфически национального, но имеющему четкое «демократическое» значение – о полномочиях президента – 9,9% и 13,9%.

И как голосование за «националиста» Позняка больше, чем голосование за «демократа» Шушкевича, разделяло Запад и Восток, Гродненщину и Могилевщину, так и голосование по «национальным» вопросам референдума скорее выявляет различия Запада и Востока Белоруссии, чем голосование по «демократическим» вопросам. Разница в голосовании против равного со статусом белорусского статуса русского языка между Гродненщиной и Могилевщиной – 13,9%, против новой (она же – с небольшими изменениями старая советская) символики – 14,3%, а против расширения полномочий президента – только 10,5%.

Несмотря на слабую явку избирателей, многочисленные переборы, повторные голосования и явное противодействие Лукашенко, не желающего вообще никаких парламентов, в конце концов избирается и Верховный Совет XIII созыва. Данные о составе его фракций по состоянию на 20 июня 1996 г. обобщены в таблице 4.

Из пяти образовавшихся фракций безусловно национал-демократической является фракция «Гражданское действие», куда вошли депутаты либерально-рыночной Объединенной гражданской партии, и условно – «левоцентристская» фракция Союз труда, часть депутатов которых затем перешла на сторону А. Лукашенко. Депутатов от этих фракций – 16,5% от общего числа депутатов. В Верховном Совете XII созыва национал-демократическая оппозиция была организована иначе, но в целом цифры – близкие (в оппозиции БНФ было 12,5%). Радикально изменился, однако, состав национал-демократических депутатов. Хотя БНФ по разным опросам поддерживают 8–12% избирателей, а за Позняка проголосовало в 1994 г. почти 13%, при мажоритарной белорусской системе БНФ не смог выиграть ни в одном округе и на первый план вышла скорее либеральная, чем националистическая ОГП, вступившая в предвыборные соглашения с БНФ. 47% депутатов ее фракции – из Минска. Но опять-таки это изменение – скорее изменение на поверхности политической жизни, чем в «глубинном» политическом мировоззрении избирателей. БНФ 1990 г. – общая организация всей оппозиции, а БНФ 1994 г. – организация лишь ее ярко националистического крыла, которое в Минске всегда было относительно слабее либерального крыла оппозиции, представленного в 1994 г. ОГП. Националистический же потенциал Западной Белоруссии БНФ использовать не смог. (Гродненщина в основном голосовала за разных «сельских нотаблей», вошедших во фракцию Аграрной партии, впрочем ставшую очень оппозиционной к Лукашенко.) Опять-таки за радикальными поверхностными изменениями скрывается значительное посто-

Таблица 4

Состав фракций ВС XIII созыва*
(данные — в %)

	Гродненская область	Брестская область	Минская область	Витебская область	Гомельская область	Могилевская область	г. Минск	Всего
Аграрии	13—34—29,5	7—25—15,9	6—17,1—13,6	8—26,7—18,2	8—24,2—18,2	2—6,9—1,5	0—0—0	44—23,1
Коммунисты	2—8,3—4,6	6—21,4—14	8—22,6—18,8	10—33,3—23,3	6—18,2—14	9—31—21	2—10—1,6	43—21,6
«Согласие»	5—20,8—8,3	6—21,4—10	13—37,1—21,7	11—36,7—18,3	7—21,2—11,7	15—51,7—25	3—15—5	60—30
«Союз труда»	1—1—6,6	4—14,2—26,6	4—11,4—26,6	0—0—0	5—15,1—33,3	0—0—0	1—5—6,6	15—7,5
«Гражданское движение»	1—1—5,5	2—7,1—11,1	2—5,7—11,1	0—0—0	2—6—11,1	1—3,4—5,5	10—50—55,5	18—9
Независимые	2—8,3—10,5	3—10,7—15,8	2—5,7—10,5	1—3,3—5,3	5—15,1—26,3	2—6,8—10,5	4—20—21	19—9,5
Всего	24—100—12	28—100—14	35—100—17,5	30—100—15	33—100—16,6	29—100—14,6	30—100—10	199—100

*Первая колонка — число депутатов, вторая — процент депутатов данной фракции от числа депутатов от области, третья — процент депутатов данной области от числа депутатов данной фракции.

Таблица 5

Референдум 24.11.1996 г.¹¹
(данные — в %)

	Гродненская область	Брестская область	Минская область	Витебская область	Гомельская область	Могилевская область	г. Минск	Беларусия в целом
Участвовали в голосовании	86	88,8	83,8	86,3	89,5	89,6	68,6	84,14
Вопросы президента:								
Перенести День независимости РБ (День республики) на 3 июля — день освобождения от гитлеровских захватчиков в Великой Отечественной войне.								
За	87,8	90,28	89,5	90,7	92,7	92,8	73,12	88,18
Против	11,4	8,57	9,1	8,2	6,2	6,18	24,62	10,46
Недействительные бюллетени	1,5	1,15	1,4	1,1	1,1	1	2,26	1,36
Принять Конституцию Республики Беларусь 1994 г. с изменениями и дополнениями (новая редакция Конституции РБ), предложенными Президентом РБ.								
За	70,59	71,46	71,23	74,71	79,97	79,75	45,05	70,45
Против	10,58	7,64	7,85	7,48	6,03	6,6	18,02	9,39
Недействительные бюллетени	4,8	3,7	4,7	4,1	3,6	3,3	5,5	4,3
Выступаете ли Вы за свободу, без ограничений, куплю и продажу земли?								
За	17,8	12,9	14,6	14,2	11,2	11,9	25,7	15,35
Против	80,3	85,5	83,5	84,3	87,2	86,6	71,5	82,88
Недействительные бюллетени	1,9	1,5	1,9	1,5	1,5	1,4	2,8	1,77

Поддерживаете ли Вы отмену смертной казни в РБ?									
За	20,83	15,47	17,91	16,58	13,16	13,58	29,1	17,93	
Против	77,45	83,20	80,37	82,04	85,53	85,1	68,15	80,44	
Недействительные бюллетени	1,7	1,3	1,7	1,4	1,3	1,3	2,7	1,63	

Вопросы парламента:

Принять Конституцию РБ с изменениями и дополнениями, предложенными депутатами фракции коммунистов и аграриев.									
За	8,48	6,75	7	6,31	5,68	6,23	13,97	7,93	
Против	71,77	77,9	74,23	74,9	79,77	79,72	47,91	71,20	
Недействительные бюллетени	5,7	4,2	5,2	5,1	4,1	3,7	6,7	5,01	

Выступите ли Вы за то, чтобы руководители местных органов исполнительной власти избирались непосредственно жителями соответствующей административно-территориальной единицы?

За	31,03	22,28	28,5	26,71	18,01	19,84	52,61	28,14	
Против	66,67	76,31	69,4	71,92	80,51	78,83	41,08	69,92	
Недействительные бюллетени	2,3	1,4	2,1	1,9	1,5	1,3	3,3	1,94	

Согласны ли Вы, что финансирование всех ветвей власти должно осуществляться гласно и только из государственного бюджета?

За	32,42	27,15	33,78	28,39	19,06	24,78	61,84	32,18	
Против	65,25	71,42	64,09	69,69	79,43	73,90	34,9	63,85	
Недействительные бюллетени	2,3	1,4	2,1	1,9	1,5	1,3	3,3	1,97	

янство «в глубине», а региональные особенности – скорее «выявляются», чем возникают.

Мы подходим к концу наших материалов и к концу (несомненно, временному) белорусского парламентаризма. Лукашенко стремится к полной «бескомпромиссной» диктатуре и сразу же вступает в конфликт с новым парламентом, где его поддерживает лишь фракция «Согласие», и со всеми белорусскими партиями, включая уже и аграриев, и коммунистов.

В конце 1996 г. он против решения Конституционного Суда проводит референдум, фактически введший чисто авторитарный строй, результаты которого не признаны Советом Европы и другими международными организациями. На этот референдум было вынесено целых семь вопросов – четыре, предложенных президентом, и три, предложенных парламентом. Результаты его видны в таблице 5.

Несомненно, что Лукашенко выиграл референдум, вернее выиграл бы, если бы он проводился честно. Но особенностью режимов типа лукашенковского является то, что они идут на фальсификации даже тогда, когда могут победить и без них, и хотя обвинение в фальсификации нормально для проигравших, в данном случае оппозиция, утверждающая, что результаты подтасованы, в чем с ней согласились и международные наблюдатели, очевидно, права. Прежде всего, бросается в глаза немыслимая и неестественная активность. По официальным данным, к урнам пришли 84,14% всех избирателей (в Минске – 68,6%), в то время как на референдуме 1995 г. – только 64,8% (в Минске – 52,8%). Так как результаты были более или менее предвидимы, вопросы значительно менее «эмоционально нагруженные», чем вопросы 1995 г., представить себе столь громадный подъем активности, причем за счет активизации сторонников Лукашенко, очень трудно. То, что в наиболее «просоветских» и «пролукашенковских» Гомельской и Могилевской областях активность на этот раз, впервые во всей истории белорусских голосований, была выше, чем в западных областях, никакими рациональными соображениями не объясняется и куда проще объяснить это просто добавлением «правильно» заполненных бюллетеней в избирательных комиссиях¹².

Однако даже фальсификации не изменили общей иерархии «национал-демократичности» и соответственно, наоборот, «советскости» белорусских регионов. Очевидно, на референдуме происходило скорее добавление «правильных» бюллетеней, чем изъятие «неправильных». Поэтому «нормальный» порядок регионов по активности избирателей оказался нарушен, а порядок по оппозиционности голосования остался неизменным. Минск – снова наиболее «нелукашенковский» город (очевидно, и фальсификаций здесь было меньше, чем в сельских восточных

Таблица 6

Состав Верховного Совета XIII созыва
и Национального собрания по областям

	Гродненская область	Брестская область	Минская область	Витебская область	Гомельская область	Могилевская область	г. Уманск	Всего
Верховный Совет XIII созыва	24	28	35	30	33	29	20	199
Национальное собрание	8	20	19	15	19	23	6	110
Депутаты, перешедшие в Национальное собрание (в %)	33,3	71	54,3	50	57,5	79,3	30	55,2

округах, где контроль над проведением референдума, естественно, был значительно слабее). Только в Минске Лукашенко не смог получить большинства голосов в поддержку своей конституции, а парламент победил по двум из трех предложенных им вопросам. Из областей же опять-таки наименее «пролукашенковские» – западные¹³.

Переворот Лукашенко положил конец Верховному Совету XIII созыва. Из депутатов, примкнувших к президенту и согласившихся с законностью референдума, было организовано Национальное собрание, фиктивный парламент авторитарного режима. Часть депутатов продолжают считать себя старым законным Верховным Советом, часть просто «разошлись», не войдя в Национальное собрание и не примкнув к оппозиционному «остатку». У нас есть данные о составе старого Верховного Совета XIII созыва и Национального собрания по областям, показывающие, какой процент депутатов от данной области перешел на сторону президента. Они приведены в таблице 6.

Самыми стойкими и оппозиционными оказались минские депутаты, затем – гродненские, наоборот – самыми лояльными к президенту – могилевские и на втором месте по лояльности – гомельские. В целом – это та же, уже многократно встречавшаяся нам иерархия «национал-демократичности» голосования.

Подведем итоги и сделаем выводы относительно региональных особенностей белорусского голосования.

1. *Различия Минска и областей.* Минск всегда значительно менее активен, чем области, и различия активности Минска и областей всегда больше, чем различия между областями.

Насколько Минск позади всех областей, причем с большим отрывом, по активности голосования, настолько же он впереди по «антисоветскости» и «национал-демократичности» голосования.

В Белоруссии, как и во всех республиках бывшего СССР, кроме России, национализм и демократизм связаны друг с другом, образуют относительное идеологическое единство и, как мы видели, голосование против русского языка положительно коррелирует с голосованием против авторитарной конституции. Но когда голосование затрагивает скорее проблемы демократии и рынка или когда кандидат, как Шушкевич, воплощает скорее демократический, чем националистический аспект национал-демократического единства, разрыв Минска и следующих за ним по порядку «национал-демократичности» голосования областей увеличивается, когда же затрагиваются скорее национальные проблемы или кандидат – скорее националист, чем демократ, – уменьшается.

2. *Различия между областями.* Активность избирателей западных областей выше, чем у избирателей восточных областей, причем поря-

док областей по активности почти не меняется от голосования к голосованию. Впереди практически всегда Брестская область, затем идут – Минская, Гродненская и Витебская и в конце – Гомельская и Могилевская (Могилевская – чаще).

По «национал-демократичности» голосования различия между областями постепенно усиливаются. В самых ранних голосованиях восточные области – Гомельская и Могилевская – мало отличаются от западных. Более того, если судить по числу депутатов – членов Межрегиональной депутатской группы и Демократического депутатского клуба, в это время на Востоке распространена некоторая умеренная оппозиционность. Но в депутатской группе БНФ – больше депутатов-гродненцев, а могилевцев нет вообще, а начиная с голосования на референдуме о будущем СССР устанавливается четкий и уже не меняющийся порядок «национал-демократичности» голосования, в котором Запад – более «национал-демократичен», чем Восток. Этот порядок относительно совпадает с порядком областей по избирательной активности (в этом минское голосование принципиально отличается от областного, в минском – значительная национал-демократичность совпадает со значительной пассивностью). Однако порядок этот все-таки несколько иной, чем порядок по активности. Если самая активная из трех западных областей – Брестская, а затем идут Минская и Гродненская, то самая «национал-демократическая» – Гродненская, на втором месте – Минская и уже потом – Брестская.

Различия между областями усиливаются, когда голосование идет по вопросам скорее национальным, и уменьшаются, когда оно идет по вопросам, скорее затрагивающим демократичность государственного устройства.

Если представить таблицы в виде графиков, они будут всегда иметь сходную форму. Например, на графиках «национал-демократичности» Минск всегда будет представлен «горой», причем одновременно кривые будут повышаться с востока на запад с заметным, но меньшим, чем минское, «возвышением» в районе Гродненщины. Это – как бы «политический рельеф» Белоруссии, обладающий очень большой устойчивостью, сравнимой с устойчивостью физического рельефа местности, с его холмами и низинами. И если продолжить это сравнение, мы можем уподобить разные политические «волны» приливам и отливам или периодам затопления местности тальми водами и, наоборот, суши. Если местность затопляется, холм может наполовину или даже весь уйти под воду. Но и под водой он будет холмом, будет на глубине меньшей, чем глубина затопленной низины. То же и с «политическим рельефом». Могут происходить активизация и некоторое усиление «просоветских» элементов и возникать упадок национал-демократических сил

и, наоборот, активизация и усиление национал-демократов. Но «рельеф» сохраняется.

Теперь нашей задачей становится объяснение этого рельефа.

II. Факторы, определяющие «белорусский рельеф»

Политическое поведение населения Белоруссии в целом и ее регионов, характер белорусских региональных политических различий, вообще современное белорусское развитие и белорусская история, как и история любой страны, – уникальны. Но, как описывая и объясняя черты и поведение какого-либо человека (естественно, всегда уникального), мы можем применять лишь какие-то общие понятия и апеллировать к общим факторам (темперамент, интеллект, и т.д.), так и, пытаясь объяснить Белоруссию и ее регионы, мы можем апеллировать лишь к общему, не специфическому белорусскому. В Белоруссии есть все, что есть и в других странах, но здесь своя и неповторимая комбинация разных факторов.

Мы начнем с попытки объяснить «минский фактор», различия электорального поведения Минска и областей. Мы видели, что Минск последовательно голосует более «национал-демократично», чем области. Посмотрим, не связано ли это с национальным составом. Естественно предположить, что чем больше в области удельный вес белорусов и чем менее они русифицированы, тем более «белорусски» они голосуют. Может быть, Минск – более «белорусский», чем области? Посмотрим таблицу 7.

Мы сразу же видим, что минское голосование никак не может быть объяснено национальным фактором. Более того, национальный фактор должен действовать в направлении, противоположном тому, в котором минское голосование отклоняется от среднебелорусского, должен «забиваться» действием каких-то мощных и иных, не национальных факторов. Минск – больше, чем другие регионы; против СССР, против интеграции с Россией, против равного статуса русского и белорусского языков не потому, что он – самый белорусский город, а несмотря на то, что он – самый небелорусский, с удельным весом белорусов в населении значительно меньшим, чем в областях (кроме Гродненской), а удельным весом белорусов, считающих родным языком русский и просто русских – на порядок большим. Какие же факторы могут «забивать» фактор языка и национальности?

Эти факторы – факторы большого города, где более доступна информация, где концентрируется «элита» – интеллигенция и богатые люди и, кроме того, очевидно, фактор столичного статуса.

Минск – не просто большой город. По белорусским масштабам это

Таблица 7

Национальный состав областей Белоруссии¹⁴
(данные - в %)

	Гродненская область	Брестская область	Минская область	Витебская область	Гомельская область	Могилевская область	г. Минск	Белоруссия в целом
Удельный вес белорусов в населении	60,4	82,8	85	79,4	80,2	82,1	71,8	77,9
Удельный вес белорусов, считающих родным языком белорусский (от всех белорусов)	84,9	81,4	92,7	76,8	81,9	81,8	61,5	80,2
Удельный вес русских в населении	10,6	10	9,9	15,2	12,5	12,9	20,2	13,2
Удельный вес поляков в населении	25,8	2,5	2	2,2	0	0	1,1	4,1
Удельный вес евреев в населении	0	0	0	0,9	1,9	1,4	2,4	1,1
Удельный вес в населении людей, употребляющих в повседневной речи:								
белорусский	6,8	7,2	3,8	2,6	10,7	0,4	4,1	5,7
русский	28,1	39	38,7	41,4	35,1	35,5	63,6	40,6
белорусский и русский	26,8	16,3	15	17,9	19,8	20,2	23,4	20,3
смешанный	34,7	37,1	42,6	33,8	33,8	43,3	9	32,5
другие	3,7	0,5	-	0,5	-	0,5	-	0,8

город колоссальный, в котором сосредоточено 16,69% населения страны (удельный вес Минска в населении с 1959 по 1997 г. возрос с 6,3% до 16,69%)¹⁵. Но концентрация культурных сил в Минске еще больше, чем концентрация населения, что видно из таблицы 8.

Мы видим, что в Минске – громадное сосредоточение интеллигенции и больше половины (колоссальная цифра) всех белорусских студентов.

Очень велико и различие в доходах минчан и «прочих белорусов». В 1997 г., например, располагали доходами ниже прожиточного минимума 37,3% жителей Гродненской области, 40,8% – Брестской, 37,1% – Минской, 35,5% – Витебской, 37,3% – Гомельской, 38,3% – Могилевской и только 23,3% жителей Минска. Людей с доходом выше 2800 тысяч в месяц было соответственно 8%, 7,3%, 8%, 10,4%, 8,5%, 10% и в Минске – 21,3%¹⁸.

Именно в этом – в концентрации в Минске образованных, молодых и богатых – и заключен, на наш взгляд, основной «минский фактор», тот же самый фактор, который объясняет большую демократичность и «антисоветскость» голосования Москвы по сравнению с остальной Россией и Киева – по сравнению с остальной Украиной (кроме «дальнего Запада»).

Распад марксистско-ленинской идеологии, естественно, прежде всего шел в самых образованных слоях общества, способных увидеть противоречие официальных догм и реальности, имеющих какой-то доступ к альтернативной, не официальной, прежде всего – идущей с Запада информации. И эти слои опять-таки, естественно, более или менее совпадали с элитой общества («рыба гниет с головы»). Также ясно, что наиболее открыты новой информации и новым идеям всегда молодые. Поэтому в конце советской эпохи студент хорошего вуза и из «хорошей» семьи – это антикоммунист почти по определению (он мог быть, разумеется, карьеристом и конформистом, но честным коммунистом он быть не мог). И накопление в Минске культурного потенциала, сосредоточение в нем интеллигенции, особенно молодой, было одновременно и тем самым накоплением антисоветского потенциала (к гибели советской власти вели ее собственные успехи).

При этом естественная антисоветская идеология эпохи конца СССР во всех республиках, кроме России, – это идеология национал-демократизма, выхода из СССР и создания национального независимого государства по образу западных государств. Сила антисоветизма и западничества толкает минчан, жителей наименее белорусского города, к идее независимой Белоруссии, национального государства по западному образцу, и эта сила оказывается куда важнее, чем, например, незнание белорусского языка. Очевидно, в какой-то мере это даже важнее, чем фактор национальности, ибо, как мы знаем по многим результатам го-

Таблица 8

Данные о культуре и образованности населения белорусских областей
(данные — в %)

	Гродненская область	Брестская область	Минская область	Витебская область	Гомельская область	Могилевская область	г. Минск
Удельный вес специалистов с высшим образованием, занятых в народном хозяйстве области, от общего числа специалистов с высшим образованием, занятых в народном хозяйстве ^{3а}	9,6	12	12	11,2	13,4	8,8	32,4
Удельный вес студентов вузов области в общем числе студентов вузов ^{3б}	6	3,4	0	10,2	13,1	12,4	52,9

лосований и опросов, русские в «западных» республиках (прибалтийских и Украине) очень часто высказывались и голосовали за независимость, т.е. за то, чтобы самим оказаться не в России, а «за границей». Очевидно, это явление было и в Белоруссии. При этом сам факт проживания в Минске – сначала потенциальной, а затем реальной столице независимого государства, – очевидно, также действует в этом «национал-демократическом» направлении, ибо независимость поднимает статус столичного жителя и дает ему некоторые достаточно ощутимые блага.

Противоречием между «русскостью» и русифицированностью, которые должны действовать против национал-демократизма (вернее, против националистического компонента национал-демократизма), и факторами, способствующими национал-демократизму, очевидно, объясняется и такая особенность минского голосования, как большие отличия голосования Минска от голосования областей в вопросах специфически «демократических» и меньшие – в вопросах «национальных». Поскольку в Минске – сосредоточие «естественно антисоветского» интеллигентского элемента, Минск голосует против равного статуса русского и белорусского языков больше, чем любая область, несмотря на свою русифицированность и значительное чисто русское меньшинство¹⁹. Но эта русифицированность все же сказывается в том, что по «чисто демократическому», лишенному специфически национального значения вопросу о полномочиях президента разрыв минского голосования с голосованием областей – больше. (Схожие особенности голосования видны и в другом городе, также очень русифицированном и с большим русским меньшинством и одновременно столице национальной республики – Киеве.)

Если национал-демократичность связана прежде всего с образованием, то слабая активность объясняется, очевидно, другими, хотя тоже «городскими» причинами – наличием множества разного рода развлечений и отвлечений и отсутствием социального контроля со стороны соседей, легкой возможностью не проголосовать, так что у тебя никто не спросит, голосовал ты или нет. Здесь особенности минского электорального поведения – те же, что и московского, и киевского.

Если «минский фактор» – это фактор столицы, большого города и сосредоточения интеллигенции, то «западно-восточный фактор» не связан ни с урбанизацией, ни с образованием. В таблице 8 мы видели, что наименее «советские» и наиболее национал-демократические западные области – отнюдь не «самые интеллигентные». Распределение, например, областей по числу студентов – просто «обратно» их распределению по национал-демократичности голосования. На первом месте – «советская» Гомельская область, на втором – Могилевская, далее – Витебская, Гродненская, Брестская и Минская. Также нет никакого со-

ответствия между «национал-демократичностью» и урбанизированностью области. Это видно в таблице 9.

Таблица 9

Урбанизированность областей Белоруссии²⁰.
Удельный вес городского населения
(данные – в %)

	1959 г.	1991 г.	1997 г.
Гродненская	23,3	59,1	62,3
Брестская	24	56,5	61,5
Минская	18,5	48,4	51,5
Витебская	32,1	65,4	66,9
Гомельская	28,5	66,1	68,5
Могилевская	31	59,1	62,3
Всего по Белоруссии, включая Минск	30,7	66,3	69,3

Более урбанизированы – скорее «советские» восточные области, чем «несоветские» западные.

Значит ли это, что факторы города и образования, безусловно проявляющиеся в различиях голосования минчан и «остальных белорусов», не действуют в различиях областей? Очевидно, нет. Но эти факторы – не основные, голосование же областей подчинено в целом каким-то совсем другим факторам, действие которых так же «забывает» действие факторов урбанизации и образования, как в Минске факторы элитарности, образованности, столичности «забывают» факторы «русскости» и русскоязычности.

Взглянем снова на таблицу 7. Связано ли нарастание национал-демократичности и, наоборот, ослабление «советскости» с востока на запад с различием национального состава областей? Похоже, что в какой-то мере – да. Удельный вес русских в трех западных областях – меньше, чем в трех восточных. Русифицированность белорусов, если судить о ней по числу белорусов, считающих родным языком русский, тоже на западе – меньше, чем на востоке. При этом очень характерно, что самая «советская» из трех западных областей, Брестская, – одновременно и самая русифицированная из них. Правда, если взять за критерий употребление в повседневной жизни белорусского языка, картина будет несколько иной и связи между употреблением белорусского и национал-демократическим голосованием нет. Но здесь надо иметь в виду, что если в белорусских условиях объявление белорусского родным языком – акт национального самосознания, то употребление толь-

ко белорусского в повседневной речи, если не считать крохотное националистическое меньшинство (обратим внимание, что 4,1% употребляющих белорусский для Минска – очень много, это, очевидно, и есть такое меньшинство), скорее признак некультурности.

Есть также практически несомненная связь национал-демократизма голосования с наличием польского меньшинства. Самая «белорусская» область, больше, чем даже Минск, голосовавшая за Позняка, – это одновременно область с самым большим польским меньшинством, на порядок большим, чем в любой другой области. Наоборот, самые «советские» и «лукашенковские» Гомельская и Могилевская области – это области, где сейчас поляков почти нет.

Очевидна также и связь особенностей голосования областей с конфессиональным составом и религиозностью их населения, отчасти видными в таблице 10.

Таблица показывает, что число религиозных общин всех конфессий, приходящееся «на душу населения», растет с востока на запад. Самые нерелигиозные области – Могилевская и Гомельская, самые религиозные – Брестская и Гродненская. Одновременно с запада на восток падает удельный вес католических общин. Самые не католические (и одновременно – самые нерелигиозные) – это опять-таки Могилевская и Гомельская области. Однако прямой связи между слабостью католицизма (соответственно – преобладанием православия) и нерелигиозностью нет. В Брестской области число католических общин невелико, но по числу общин в отношении к числу жителей она на первом месте. Одновременно ясна и связь между конфессиональным и национальным составом: чем больше поляков, тем больше католиков (и, естественно, поляков-католиков и католиков-белорусов), а чем больше католиков, тем больше и белорусов, считающих родным языком белорусский.

Теперь, на наш взгляд, мы пришли к тому, что объясняет политические различия областей по линии «восток–запад». Это – различия культурные, но не по уровню культуры, как различия Минска и областей, а по типу культуры. Белоруссия – страна, расположенная между Россией и Польшей, испытывавшая влияние со стороны России и Польши и значительную часть своей истории разделенная между Россией и Польшей. Восточные области – это области с минимальным польским и максимальным русским влияниями, наиболее русифицированные и советизированные, с наиболее «российской» и «советской» идеологической комбинацией (слабое, скорее обрядовое и формальное, православие, массовая нерелигиозность и сильные позиции коммунистической идеологии). Естественно, что они и голосуют наиболее «советски», за «православного атеиста» Лукашенко.

Наоборот, западные области – под мощным польским влиянием. Если на востоке слабое белорусское национальное сознание – скорее

Таблица 10

Данные о конфессиональном составе населения
белорусских областей²¹
(данные - в %)

Годы	Гродненская область	Брестская область	Минская область	Витебская область	Гомельская область	Могилевская область	г. Минск	Всего
			Удельный вес католических общин в общем числе религиозных общин					
1970	41,5	5,2	14,9	18,3	0	0	16,7	
1992	48	7,4	19	26,3	7	4,8	20,3	
1995	44,3	9,3	17,3	24,7	8,2	7	18,7	
			Удельный вес православных общин					
1970	41	63,8	56,3	71,7	81,5	58	59,5	
1992	42	58,8	50,9	60	65,4	54,2	54,3	
1995	42,3	55,5	46	55,6	59,3	49	48	
			Удельный вес протестантских общин					
1970	14	31	28,7	10	18,5	42	23,8	
1992	9,9	33,7	30,1	13,7	27,7	41	25,4	
1995	13,4	35,2	36,6	19,7	32,4	44	33,3	
			На сколько жителей области приходится одна община ²²					
1992	4111	3370	11182	8056	12829	15419	7410	
1995	3324	2834	8092	5802	9164	12798	5402	

«белорусско-русское», то на западе оно в какой-то мере – «белорусско-польское». Здесь много просто поляков, но еще больше католиков с неопределенным польско-белорусским сознанием. Ясно, что эти люди скорее будут голосовать против пророссийской «православно-атеистической» идеологии и политики Лукашенко. Для поляка или «скорее поляка» национальное белорусское государство, ориентированное на традицию Великого княжества Литовского, – это все же лучше, чем Россия²³. Но белорусский национализм также возникает скорее в католической среде и «национально сознательных» белорусов среди католиков и выходцев из католических семей – больше, чем среди православных²⁴. Вообще для любого католика – поляка, полуполяка-полубелоруса и «настоящего» белоруса единство с Россией, как и коммунизм, мало привлекательны.

Религиозный (вернее, «национально-религиозный» и «культурно-религиозный») фактор, на наш взгляд, служит главным объяснением «восточно-западного» измерения голосования белорусских областей. Он же объясняет значительное различие между голосованием двух соседних западных областей – Гродненской и Брестской. Во всех голосованиях Гродненщина – значительно более «антисоветская» и «антироссийская», чем все другие области и чем соседняя Брестская область. И это полностью соответствует тому, что она – значительно более католическая и с большим польским меньшинством. Напротив, в Брестской области и польское, и католическое присутствие – на порядок слабее. Более того, по удельному весу католических общин она на четвертом месте. И соответственно ее голосование – значительно более «советско-лукашенковское».

Влияет ли религиозный фактор на другую особенность «восточно-западного» измерения – на рост избирательной активности с востока на запад? На первый взгляд – нет, ибо самой активной является не Гродненская, а Брестская область, Гродненская же, напротив, относительно пассивна. Но, по нашему мнению, активность тоже связана с религиозным фактором, только несколько иным и более сложно.

Мы видели, что по числу религиозных общин Запад резко впереди Востока, причем это относится не только к католическим общинам, но и к православным и протестантским. Самая «насыщенная» общинами область – православно-протестантская Брестская. Чем объясняется эта большая религиозность Запада? На наш взгляд, здесь сказывается косвенное, сложное и опосредованное влияние польского католицизма. Польскому католицизму вообще свойственна значительная «интенсивность». Польша едва ли не самая религиозная из христианских стран. И это, естественно, влияет на живущих рядом православных. Кроме того, вообще ситуация совместного проживания представителей разных конфессий усиливает религиозность. Православные белорусы, живущие

«под поляками» или рядом с поляками, естественно, начинали подчеркивать свое православие, их религиозные связи и религиозная самоидентификация усиливались. Поэтому в областях Белоруссии, принадлежавших в межвоенный период Польше, испытывавших и испытывающих сильное польско-католическое влияние (и в полукатолической Гродненской, и в западной части Минской и Витебской, и в православно-протестантской Брестской), православная религиозность – значительно интенсивнее, чем в восточных областях. К этому надо добавить, что позже вошедшие в СССР западные регионы Белоруссии все-таки не испытали такого гонения на религию, какое было в эпоху коллективизации. Но большая религиозность – это, очевидно, и более традиционная и жесткая мораль²⁵. И как верующий ходит в церковь, преодолевая лень и нормальное желание посидеть дома перед телевизором или выпить, так он и ходит голосовать. Мы уже говорили, что в западных областях довольно много недействительных бюллетеней. Это значит, что многие, даже не желая голосовать или не зная, как голосовать, считают для себя невозможным не прийти на выборы. Но если это так, то почему наиболее испытывавшая и испытывающая польско-католическое влияние Гродненская область – отнюдь не самая активная? Не все устойчивые особенности регионального поведения можно объяснить, любое объяснение в какой-то мере – гипотетично, но, возможно, эта особенность Гродненщины связана с тем, что здесь в большой польской общине относительно много людей, не очень отождествляющих себя с Белоруссией, в какой-то мере воспринимающих белорусские (а в начале – общесоветские) дела как чужие.

Возможно, именно эта отчужденность от общества и государства объясняет и то, что «национал-демократичность» гродненского голосования вначале заметна значительно меньше, чем в более поздних голосованиях, – чтобы в какой-то мере преодолеть страх и пассивность, нужно время. Легкие же «либеральные» и оппозиционные тенденции ранних голосований восточных областей, затем полностью исчезнувшие, объясняются, возможно, действием черныбыльского фактора, который вначале усиливает недовольство властью – и московским центром, и Минском, а затем усиливает зависимость от власти, стремление добиться перераспределения доходов в пользу пострадавших регионов и ностальгию по советским, «дочерныбыльским» временам.

Таким образом, если фактор уровня культуры в основном объясняет отличие минского голосования от голосования областей, то тип культуры (прежде всего – степень русификации) объясняет отличие голосования восточных и западных областей. Первый фактор присутствует и в России, и на Украине, второй, естественно, не может действовать в России, где нет проблем, порожденных русификацией, но на Украине он действует. Украина также демонстрирует измерение «вос-

ток-запад» по таким параметрам, как русскость и русифицированность – «украинскость»; православие, сочетающееся со слабой религиозностью и активностью протестантов, – униатство и православие, сочетающиеся с сильной религиозностью; национал-демократическое (с переходом в националистическое) голосование – «советское» и «про-российское» голосование. Но поскольку галицийское униатство и галицийский исторический опыт сделали Галицию оплотом яркого украинского национализма, чем не смогла стать Гродненщина, различия между Западом и Востоком на Украине резче²⁶.

Но естественно, далеко не все может быть объяснено глубокими и устойчивыми факторами. Очень многое объясняется и такими случайными факторами, как связь того или иного кандидата с отдельной областью. Очевидно, значительный процент голосов, отданных в Гродненской области в 1994 г. за А. Дубко, связан с тем простым фактом, что Дубко – председатель гродненского колхоза, «свой», а не с какими-то политико-идеологическими причинами²⁷. То, что Шушкевич – «минский», а Позняк – «гродненский», вряд ли достаточное объяснение относительноному успеху Шушкевича в Минске, а Позняка в Гродненщине, но это также могло прибавить им голоса. Родившийся в витебской деревне В. Новиков также больше всего голосов получил на Витебщине. И, наверняка, на очень последовательное «лукашенковское» голосование Могилевщины, кроме социальных и культурных факторов, влияет и такой относительно случайный фактор, как то, что Лукашенко – бывший председатель именно могилевского колхоза.

Мы попытались объяснить основные факторы, влияющие на особенности голосования белорусских областей и Минска, определяющие устойчивый политический «рельеф» Белоруссии. Естественно, что это объяснение – относительно поверхностно. Более глубокий и скрупулезный анализ выявил бы (и выявит со временем) какие-то более глубокие и сложные взаимосвязи. Но пока мы можем удовлетвориться этим и поставить здесь точку, переходя к следующей проблеме – сравнению политических «рельефов» Белоруссии и ее ближайших «родственников» – Украины и России и влияние их различий на современную историю трех наших стран.

III. Белоруссия, Россия, Украина (различие политических «рельефов» и политических эволюций)

С российскими политико-географическими размежеваниями белорусские сближает то, что главным в обеих странах является размежевание по линии: антикоммунистический центр – прокоммунистические

регионы, за которым стоит социально-политическое размежевание между «элитой» и «простым народом». Но очень много и разделяет Россию и Белоруссию.

Во-первых, Минск – неизмеримо меньше «центр» и сосредоточие элиты Белоруссии, чем Москва и «примыкающий» к ней Петербург – центры России, ибо Москва была центром всего СССР (и даже всего соцлагеря), «высасывавшим» элиту из всей огромной исчезнувшей страны, включая и Белоруссию. Соответственно, хотя Минск – на порядок более «антисоветский», чем Белоруссия в целом, он значительно менее «антисоветский», чем Москва, и разрыв между ним и страной в целом – несколько меньше.

Это проявилось уже при голосовании на референдуме 1991 г. о сохранении СССР. В Москве за СССР проголосовало только 50,02% участвовавших в голосовании и 34% всех избирателей (в Ленинграде – соответственно 50,54 и 32,8%). Между тем по всей России соответствующие цифры – 71,34% и 53,66%. В Минске же за СССР проголосовали 65,6% участвовавших и 46,6% всех избирателей, а в Белоруссии в целом – 82,7% и 69,9%. Различия между голосованием за СССР Москвы и России – 21% от голосовавших (19,6% всех избирателей), между голосованием Минска и Белоруссии – 17,1% (23,3%). Таким образом, хотя статус Москвы при распаде СССР автоматически понижался, а статус Минска, наоборот, повышался, Москва меньше голосует за СССР, чем Минск, и отрыв в голосовании Москвы от остальной России – несколько больше.

В какой-то мере могут быть сопоставлены и президентские выборы в наших странах (в России – в 1991 и 1996 гг., в Белоруссии – в 1994 г.). В 1991 г. «демократический» кандидат Ельцин получает в Москве 72%, на 14,7% больше, чем во всей стране. На втором туре президентских выборов 1996 г. он получает в Москве 77,3%, что на 23,6% больше, чем в стране в целом. В то же время в Минске на первом туре президентских выборов 1994 г. оба лидера национал-демократов, Позняк и Шушкевич, вместе получают только 42,19%, что на 19,46% больше, чем в стране в целом. Лукашенко же получил в Минске на первом туре 26,48%, что значительно больше, чем получили в Москве в 1991 г. Рыжков и Жириновский вместе (15%) и чем получил на втором туре в 1996 г. Зюганов, собравший все московские «антидемократические» голоса, – тоже 15%. Мы видим, что как устойчивы соотношения удельного веса демократического электората в Москве и России и в Минске и Белоруссии, так же устойчиво и соотношение между Москвой и Минском (и между Россией и Белоруссией в целом).

Во-вторых, принципиальным отличием России и Белоруссии является то, что в России, в отличие от всех других республик, не могло быть объединения националистического и общедемократического ан-

тикоммунизма и, в отличие прежде всего от Украины и Белоруссии, не было проблем, порожденных русификацией и утратой национального языка и национальной культуры, и соответственно не было противоречий между русифицированными и нерусифицированными (или менее русифицированными) частями народа.

Соединение национального и демократического движений дает минскому интеллигентскому национал-демократизму скорее потенциального, чем актуального союзника в виде национализма и антироссийских настроений западных областей. С другой стороны, сильная русифицированность Минска приводит к противоречию между национально-белорусской и либерально-демократической составляющей минского антикоммунизма, проявившемуся в разделении национал-демократического электората в 1994 г. между Позняком и Шушкевичем и в противостоянии БНФ и ОГП.

Эти особенности «политико-идеологической конфигурации», разделяющие Белоруссию и Россию, одновременно сближают Белоруссию и Украину.

Если с российским «рельефом» белорусский сближает то, что главным «измерением» и белорусской, и российской политической жизни является измерение «центр–периферия», то с украинским его сближает наличие измерения «запад–восток» (на Украине это скорее «запад – юг и восток»). Но в Белоруссии, в отличие от Украины, это измерение по значению – не на первом, а на втором месте и значительно менее ярко выражено.

Для того, чтобы убедиться в этом, достаточно сравнить данные референдума 1991 г. о сохранении СССР. На Украине за СССР всего высказалось 70,5% участвовавших в голосовании. При этом меньше всего – в самой западной и самой антисоветской Львовской области (16,4%), а больше всего – в южной Николаевской (87,7%). (Обычно в украинских голосованиях наиболее резкие различия – в голосованиях галицийских областей, или самых «коммунистических» Донецкой и Луганской, или самого «российского» Крыма. Но в 1991 г. цифры этих регионов – чуть-чуть меньше, Донецкая – 84,6%, Луганская – 86,3%, Крым – 84,7%.) Таким образом, максимальное расхождение – 71,3%. И такая картина сохраняется во всех украинских голосованиях. Например, по голосованию на втором туре президентских выборов 1993 г. за Кравчука разница между самой «прокравчуковской» областью – галицийской Тернопольской (94,8%) и самым антикравчуковским Крымом (8,9%) – 85,9%, а по голосованию за Кучму разница между этими же «крайними» областями, Тернопольской (3,7%) и Крымом (89,7%) – 86%. Но даже оставим в стороне русский и автономный Крым и будем рассматривать только украинские области. Тогда вместо Крыма «про-

тивоположной» Тернопольской области, ее политическим «антиподом» будет Луганская, где за Кравчука – 10%, а за Кучму – 88%. Разрыв между «крайними» областями почти не меняется – 84,8% и 84,3%.

Если сравнить с украинскими белорусские цифры, картина будет совсем другой. За СССР в 1991 г. всего в Белоруссии – 83,3% (значительно больше, чем на Украине). Восточная Гомельская область дает максимальную цифру – 89,6%, западная Гродненская – минимальную – 79,8% (а Минск – на порядок меньшую, чем Гродненская, – 65,6%). Разница между «крайними» украинскими областями – 71,3%, между «крайними» белорусскими – 9,8%. В ряде голосований расхождение между «крайними» областями в Белоруссии становится больше, но ни разу оно не превышает 15%.

Если представить все это в виде графиков (что для нас трудно технически), то украинский и белорусские графики будут и похожи, и не похожи. Украинский график национал-демократического голосования будет иметь большой «пик» на западе, меньший «пик» в районе Киева и «низины», «провалы» в Крыму и на востоке. (Естественно, что, если мы будем измерять, наоборот, «коммунистичность» и «пророссийскость», наши «пики» станут «впадинами», а «впадины» – «пиками».) В Белоруссии же «пики» становятся относительно небольшими «холмами». На западе, где на Украине – «гора», в Белоруссии – небольшая «возвышенность», в Минске – тоже «возвышенность», «холм» причем – самый высокий в белорусском «рельефе», хотя и несколько ниже аналогичного киевского, на востоке же, как и в Украине, – «низменность». В целом же белорусский «рельеф» – более «плавный» и «низменный», чем украинский, с меньшими «перепадами» и «контрастами».

Чем объясняются эти сходства и отличия украинского и белорусского рельефов? Ослабление «советскости» голосования с востока на запад объясняется и на Украине, и в Белоруссии тем же – ослаблением русского и советского влияния и, наоборот, усилением западного влияния. По специфическому состоянию русифицированности, слабой роли религии и доминированию русского православия Могилевская и Гомельская области очень похожи на украинские Донецкую и Луганскую, соответственно и голосуют они похоже. Наоборот, по поликонфессиональному составу населения и относительно сильной религиозности Гродненская, Брестская и западные части Витебской и Минской относительно близки к западноукраинским областям так же, как и западная Белоруссия меньше историческое время бывшим в составе России и в межвоенный период бывшим в Польше, а не в СССР. Главное различие – в том, что основной неправославный религиозный элемент в западноукраинских областях – это униаты, приверженцы церкви, приобретшей специфическое национально украинское значение, создающей жесткую «стену» и с католиками-поляками, и с православными-русски-

ми. В Белоруссии же это скорее католики-поляки или люди со смешанным белорусско-польским самосознанием. Белорусское униатство было уничтожено еще в эпоху Николая I, а белорусский католицизм не мог стать таким же фактором создания белорусской нации, как украинское униатство – украинской нации.

В какой-то мере мы можем представить различия политических «рельефов» России, Украины и Белоруссии как различия количественные. Минск как центр «антисоветизма» меньше, чем Москва и даже чем Киев, хотя одновременно он – самый большой такой центр в Белоруссии. Западные области Белоруссии – тоже менее антисоветские и антироссийские, чем западные области Украины.

Но эти скорее «количественные» различия приводят к качественно иной, чем и российская и украинская, политической ситуации.

В России Москва, несмотря на свою относительную людскую слабость, опираясь на колоссальную мощь сосредоточенного в ней централизованного советского аппарата, на колоссальную финансовую мощь и на мощь «психологическую» – привычку периферии к тому, что все должно решаться начальством в Москве, в значительной мере контролирует Россию. «Московская» либеральная и западническая идеология никогда не могла победить в масштабах России; что демонстрируют все российские парламентские выборы, где регулярно проваливаются все либеральные, базирующиеся на Москве и Петербурге и поддерживающие правительство и «западнический» курс партии. Однако Ельцин, лидер нашего «демократического движения», в 1991 г. на первых президентских выборах, когда (что очень важно) еще существовал СССР и выбиралась власть не верховная и не «настоящая», когда еще мало кто мог представить, что очень скоро российский президент станет действительно главой государства, смог мобилизовать весь протестный – и демократический и скорее националистический, и даже просто антилиберальный, антигорбачевский – электорат и победить. Но оказавшись реальным главой государства, Ельцин уже не только мог снова побеждать, но в некотором роде не мог не побеждать, ибо на него, на его власть стал работать мощнейший фактор традиционалистской поддержки любой власти. Либеральная идеология регулярно отвергается на выборах в парламент, более того, регулярно проваливаются партии, покровительствуемые президентом и объявляющие о своей безоговорочной поддержке его курса, но сам он также регулярно побеждает. (Более того, в декабре 1993 г. ельцинская конституция принимается одновременно с полным разгромом ельцинской партии – «Выбора России».) Отвергая идеологию и политику власти, российский избиратель, тем не менее, голосует за власть, альтернатива которой ощущается как хаос и анархия, за власть, которая, какой бы плохой она ни была, – «от

Бога». Это – типично традиционалистское и очень русское отношение к власти. Таким образом, хотя власть – западническая, реформаторская, основная ее опора – традиционалистская. И именно потому, что эта традиционалистская база – очень мощная, власть может проводить очень радикальную и идущую вразрез с желаниями народа политику.

Белорусская «комбинация факторов» создает ситуацию, почти зеркально противоположную российской. Если «либерально-западническая» Москва смогла подчинить Россию, навязав ей если не свою идеологию, то свою власть и свою политику, то тоже «либерально-западнический» Минск – не смог. Соотношение сил в Белоруссии оказалось иным. Минск – слабее Москвы, ибо это все же – менее «элитарный» и культурный город с меньшим «антисоветским потенциалом». Он слабее Москвы и потому, что это – крайне русифицированный город с национал-демократической идеологией, т.е. минская антикоммунистическая элита значительно более разделена и находится под действием противоположно направленных сил, чем московско-петербургская. При этом наличие у минского интеллигентски-элитарного антикоммунизма потенциального союзника в лице имеющего совсем иное происхождение и иную основу антикоммунизма населения западных областей не компенсирует эту слабость, ибо союзник – уж очень слаб. Союза Минска с Гродненщиной по типу союза Киева с Галицией, во всяком случае пока, не получается. Наконец, и это, пожалуй, самое важное, Минск слабее Москвы «исторически» и «психологически». Москва – древняя и «естественная» столица, представление о том, что в России должна править Москва, что все решается в Москве, глубоко вошло в сознание каждого русского. Минск не имеет такого «авторитета». Сама белорусская независимая государственность, возникшая относительно «случайно», не воспринимается значительной частью белорусов как государственность «естественная» и «легитимная». Для сознания широких масс Белоруссия как часть СССР и Москва как «главная» столица – куда «естественнее», чем полностью независимая Белоруссия со столицей в Минске. Даже белорусская национал-демократическая оппозиция постоянно апеллирует к Москве, и московские телеканалы и газеты в Белоруссии популярнее, чем белорусские. Минская верхушка не могла поэтому использовать тот традиционалистский потенциал, какой мог использовать Ельцин. Более того – очень близкое к русскому сознание белорусских низов как бы обернулось другой стороной, явило другой свой лик – не лик традиционалистского подчинения «настоящей» и «сильной» власти, а лик традиционалистского бунта против власти слабой и «ненастоящей». Лукашенко – это как бы глава народного бунта против правления узурпировавших власть бояр, и его победа в 1994 г. – действительно результат своего рода «электо-

рального восстания». Ельцин также опирался в 1991 г. на элемент народного бунта против «слабой» либеральной власти. Но и тогда его главной опорой была все же московско-петербургская элита. И власть, которую он установил, — это власть Москвы над «периферией», элиты — над народом, богатых — над бедными. Лукашенко, напротив, — истинный «народный вождь», пришедший к власти при противодействии минской номенклатурной верхушки и минской интеллигенции, и его власть — власть вождя периферии над Минском, вождя деревень над городом, идола бедных и необразованных над элитой.

Ельцинская и лукашенковская власти по своей идеологии и социальной базе — почти зеркально противоположны. И очень естественно, что Лукашенко имеет поддержку в российской оппозиции и ездит по российской «глубинке», собирая овации, и одновременно является постоянным объектом насмешек и нападок московских элитарных СМИ. Равным образом естественно, что белорусская оппозиция постоянно присутствует в этих СМИ, легко дающих эфир ее лидерам и с сочувствием сообщающих о разного рода митингах БНФ и ОГП. Но обратим внимание на одну удивительную на первый взгляд вещь. При всем идеологическом и социальном различии режимов, при противоположности их социальной политики эволюция их поразительно схожа. Ельцин вступает в конфликт с Верховным Советом, Съездом народных депутатов и с Конституционным Судом. И Лукашенко вступает в конфликт со «своими» Верховным Советом и Конституционным Судом. Главными противниками и Ельцина, и Лукашенко становятся главы парламентов: в России — Р. Хасбулатов, в Белоруссии — М. Гриб и затем С. Шарецкий, а «дополнительными» — главы Конституционных Судов В. Зорькин и В. Тихиня. (Зеркальность наших ситуаций проявляется в том, что в Верховных Советах Ельцин опирается прежде всего на московских и петербургских депутатов, а депутаты «глубинки» в основном — его противники, а Лукашенко, напротив, опирается на депутатов «глубинки», а минские — в основном оппозиционеры.) И тот и другой совершают государственные перевороты: Ельцин — кровавый в октябре 1993 г., Лукашенко — бескровный в 1996 г., распуская парламент и создавая конституции, дающие им практически неограниченную власть. И тот и другой используют как основное орудие в борьбе с парламентами и основное средство легитимизации своей власти и совершенных ими переворотов референдумы (в России — референдумы марта и декабря 1993 г., в Белоруссии — референдумы 1995 и 1996 гг.).

Очевидно, дело в том, что и в российской ситуации доминирования центра и элиты над народом и периферией, и в белорусской ситуации доминирования периферии над центром и народа (вернее, народного «вождя», отражающего народные чаяния) над элитой — много общего.

В обоих случаях это ситуации социального раскола общества и подавления одной его части другой. И одна ненамного «лучше» другой.

В России либерально-рыночная идеология и политика элиты навязываются обществу отчасти силой, как в 1993 г., отчасти использованием традиционалистской готовности народа подчиняться власти и принимать ее, даже не принимая ее политики и идеологии, что находит выражение в регулярном отвержении поддерживающих Ельцина партий, сочетающемся с регулярной же победой самого Ельцина. Так как идеология доминирующей элиты – скорее «западническая», политическая жизнь при этом сохраняет западнически-либеральный фасад (хотя используются и традиционалистские, «царистские» элементы символики и идеологии). Но «суть» – отнюдь не «западная» и не демократическая.

В Белоруссии фасадно-демократических элементов, естественно, меньше. Зато, в отличие от Ельцина, Лукашенко больше опирается на народную поддержку, причем поддержку не просто его как носителя власти, традиционалистской «царской» фигуры, но и поддержку его политики. В России элитарное меньшинство доминирует над большинством, в Белоруссии – скорее большинство над элитарным меньшинством. Но такая ситуация также очень далека от демократии. Тем более, что подавленное меньшинство – не просто меньшинство, а элита. Ее подавление имеет для демократического развития последствия значительно худшие, чем подавление, например, какого-либо этнического меньшинства. Государство может иметь колонии или стремящиеся к отделению этнические группы и подавлять их сопротивление и одновременно оставаться демократическим, ибо колонии и такие группы – не часть общества, это скорее другое общество. Но ситуация подавления элиты, подавления важнейшей части самого общества, без которой немислимо его функционирование, демократию исключает.

Зеркально противоположные российская и белорусская ситуации, таким образом, оказываются очень похожи по своим политическим следствиям. «Противоположности сходятся».

Украинская конфигурация политических сил, специфика украинского «рельефа» приводят к совершенно иным следствиям, не похожим ни на российскую, ни на белорусскую ситуации.

В украинских голосованиях центр, Киев – не «полюс» политических размежеваний, как Москва и Минск. По «антикоммунистичности» он несколько выше среднеукраинских показателей, но далеко отстоит от главного бастиона украинских антикоммунизма и национализма – Галичины. «Полюса» на Украине – не Киев и «периферия», а восток и юг-запад, разделенные широким массивом «переходных», «умеренных» центральных областей. Главное размежевание здесь, таким образом, – размежевание не столько социально-политическое («стянутая» к

центру элита – живущий на периферии народ), а культурно-политическое, между нерусифицированными и очень русифицированными областями, размежевание, проходящее и через народ, и через элиту. Борьба идет не столько Киева с периферией, сколько различных политических сил, имеющих главной базой или «дальний восток», или «дальний запад», за Киев и центральные области.

На первых президентских выборах незначительное большинство киевлян (56,1%) высказались за победителя Кравчука, имевшего основную поддержку на востоке. Но значительное меньшинство голосов, больше, чем в других областях, было отдано ими за Чорновила, победившего лишь в трех галицийских. На следующих президентских выборах ситуация изменилась. Киев тоже незначительным большинством (59,7%) высказался за Кравчука, который к этому времени потерял поддержку на востоке и обрел ее на дружно проголосовавшем за него западе. Но победил Кучма, получивший в Киеве только 35,6%. Киев, таким образом, – не «полюс» политической жизни, его голосование значительно меньше отличается от голосования Украины, чем Минска – от голосования Белоруссии, а Москвы – от России, его электоральные симпатии очень разделены, и, в отличие от Белоруссии, где кандидаты, имеющие главную опору в Минске, не могли победить в масштабах страны, и России, где имеющий главную опору в Москве Ельцин регулярно побеждает, можно сказать, не может не победить, кандидаты, за которых – большинство киевлян, могут и победить, и проиграть. Москва – «победительница», Минск – «побежденный», Киев же – на стороне иногда победителей, иногда – побежденных, и он – не столько одна из главных борющихся сил, сколько «поле борьбы» различных сил, основная база которых – не в Киеве.

Киев и центральные области – поле борьбы «западных» и «восточных» сил, но они же – как бы и «буфер» между полюсами, соприкосновение которых могло бы привести к взрыву, и они же (прежде всего, естественно, Киев, столица) – интегрирующий центр, ибо в борьбе за центр (а на Украине государственный центр, географический центр и центр политического спектра более или менее совпадают) противники, имеющие главные базы на «полюсах», Востоке и Западе, сами политически «сдвигаются» к центру.

В результате политическая жизнь Украины – компромисснее, «мягче» и демократичнее. Здесь не может быть ни «шоковой терапии», как в России, ни чуть ли не реставрации социализма, как в Белоруссии. Здесь все – менее «энергично», более «вязко». Но здесь не может быть и насильственных разгонов парламентов, и принятых сомнительными референдумами и задним числом «легитимизирующих» государственные перевороты авторитарных конституций.

Белорусская и российская ситуации – почти зеркально противополо-

ложны. Но они и схожи, как схож объект и его отражение в зеркале. Ритм российской и белорусской современных историй очень близок. Украинская же ситуация не похожа ни на российскую, ни на белорусскую (в Белоруссии мы можем обнаружить лишь слабые подобия украинской ситуации, Гродненщина – слабое подобие Галичины), и соответственно ритм украинской истории – совершенно иной.

И в Белоруссии, и в России, и на Украине социальная база демократий неизбежно будет расширяться, и демократические институты в конечном счете – развиваться и укрепляться, даже несмотря на отступления демократии типа происшедшего в Белоруссии при Лукашенко, которые в конечном счете – лишь эпизоды на пути к демократии. Но развитие демократии в наших трех странах будет идти по разным руслам, определенным их разным «политическим рельефом».

Украина – не потому что украинская культура «лучше» российской и белорусской, не потому, что украинцы демократичнее и обладают большим правосознанием, но в силу более «удачной» организации украинского общества имеет все возможности развиваться в русле существующих политических институтов. Силы, базирующиеся скорее на востоке и юге, могут побеждать силы, базирующиеся скорее на западе, а через какое-то время – западные брать реванш. Но ни победа тех, ни победа других – не катастрофа для политических соперников и не катастрофа для демократических политических институтов. Работает нормальный «маятник» политической жизни, и каждый его «удар», каждая смена власти укрепляет демократию.

В России дело обстоит хуже. На Украине было бы смешно, если бы здоровьем Кучмы придавалось такое политическое значение, как здоровьем Ельцина. И не потому, что Кучма – здоровее и моложе. А потому, что как смена Кравчука Кучмой не была катастрофой и «революцией», так не будет ею и смена Кучмы хоть Марчуком, хоть Лазаренко, хоть даже Морозом. В России – все иначе. Здесь простуда Ельцина – действительно важнейшее политическое событие, ибо российский режим – режим личной власти, действующей в интересах меньшинства, режим, исключая передачу власти от партии к партии, от президента к его сопернику. Для того, чтобы прийти к демократической системе ротации власти, России еще предстоит пройти через какие-то очень глубокие кризисы, и первый случай перехода власти не по «наследству», а в результате победы на выборах оппозиции несомненно будет событием очень болезненным. Тем не менее «западническая» рыночно-демократическая идеология правящей «московской» элиты обеспечивает сохранение некоторого минимума политических свобод в стране, что несомненно облегчит будущие кризисы.

В Белоруссии ситуация – еще более сложная. Для демократиче-

ских свобод власть меньшинства, если это – элитарное меньшинство, хоть в какой-то, пусть очень поверхностной, степени разделяющее «западные» ценности и хотя бы соблюдающее необходимые для приема в «высшем западном обществе» приличия, как эти ни странно звучит, – лучше, чем власть большинства, если этому большинству вообще чужды демократические ценности. Как режим Николая II был свободнее, хотя это был режим «помещиков и капиталистов», чем пришедшая ему на смену «диктатура пролетариата», так ельцинский режим – свободнее, хотя этот режим московской олигархии, чем опирающийся на реальную поддержку большинства и социальных низов режим Лукашенко. Поэтому если России еще предстоит пережить какой-то политический кризис, то Белоруссии – тем более и скорее всего в острой и болезненной форме. Для России возможности перехода к системе ротации у власти разных политических сил теоретически откроются при неизбежном расколе элиты во время кризиса, связанного с определением преемника Ельцина. Саму же состязательность выборов российская верхушка скорее всего отменить не сможет. В Белоруссии Лукашенко – энергичен, относительно молод, полон честолюбивых планов. Демократический фасад и мнение Запада для него значат мало. Возможности трансформации его режима, его «либерализации» и смягчения – очень ограничены. Между тем время работает против него. Поддержки в минской элите он не имеет, а любовь народа очень легко может быть утрачена после практически неизбежного экономического краха и провала честолюбивых планов «завоевания России». Однако, на наш взгляд, просто устранение Лукашенко от власти совершенно не обязательно должно означать победу белорусской демократии. Победа и упрочение демократии могут быть связаны лишь с глубокими изменениями в сознании общества и белорусском «политическом рельефе». Такие изменения безусловно происходят, хотя и медленно, и происходят в демократическом направлении. Самые динамичные и перспективные силы Белоруссии, прежде всего образованная молодежь, – в оппозиции Лукашенко, а его социальная база – необразованные и старые люди – естественно сужается. Если использовать дальше нашу метафору рельефа, где национал-демократические силы – «возвышенности», то можно сказать, что весь белорусский «рельеф» постепенно повышается. Его основные контуры сохраняются, но холмы становятся выше, а низины, долины – менее глубокими.

При этом белорусский «рельеф» может изменяться разными путями, на наш взгляд, в нем заложены разные потенции последующих конфигураций. Может быть постепенное усиление национал-демократизма прежде всего в Минске и постепенное усиление самого Минска, его роли в Белоруссии. Тогда через какое-то время в Белоруссии может установиться ситуация, подобная российской и зеркальная теперешней

белорусской – правление минской элиты, – ситуация, на наш взгляд, не самая благоприятная для дальнейшей консолидации белорусской демократии. Но в Белоруссии есть некоторые возможности и иного варианта, напоминающего украинский. Минская элита очень разделена по вопросу о языке и национальном возрождении, и в Белоруссии в целом есть, хотя и слабо проявляющиеся, похожие на украинские разделения на русифицированный Восток и националистический Запад. Можно представить себе в будущем ситуацию, когда ненационалистическая часть минской «национал-демократии» установит связи с жителями восточных областей и сможет повести за собой хотя бы какую-то часть их (это могут быть даже не национал-демократы, а эволюционирующие сейчас в национал-демократическом направлении коммунисты), а националистическая «бенеэфовская» – утвердится на Западе. Тогда Белоруссия сможет избежать противостояния народа и элиты и прийти к системе, при которой большинство населения поддерживает «ответственные» политические силы, чья борьба и смена друг друга у власти не разрушает, а укрепляет демократический процесс.

Но все это уже из жанра политических фантазий с привкусом маниловщины. Если что-то подобное и произойдет, то еще очень нескоро. Политическая история может развиваться быстро, ярко и драматично (даже «детективно»). Но в конечном счете все эти драмы – «поверхностны» и общее направление истории определяется глубокими и медленными процессами, где единицей измерения должны служить не месяцы и не годы, а жизни сменяющих друг друга поколений.

Примечания

¹ См.: «Знамя юности», 31.03.1989 г. С.1.

² Состав Межрегиональной группы менялся, и А. Добровольский дал список всех, кто когда-либо в ней состоял. «Знамя юности» (23.08.1989 г. С. 1–2) сообщает иную цифру – 9 человек. Всего в это время в Межрегиональной группе было 388 человек. Белорусы, таким образом, составляли лишь 2,3% группы.

³ «Советская Белоруссия», 10.03.1990 г. С. 1. В повторном голосовании участвовали в Гродненской области 78,9%, Брестской – 78,7%, Минской – 82,2%, Витебской – 80,4%, Гомельской – 75,8%, Могилевской – 72,9%, Минске – 64,9%, всего – 77,2% («Советская Белоруссия», 23.03.1990 г.).

⁴ Данные о составе ДДК, оппозиции БНФ и депутатской группе БНФ – в рабочих материалах ДДК. Архив О. Г. Буховца.

⁵ Протокол ЦИК референдума СССР о результатах голосования по БССР от 20.03.1991 г. Архив О. Г. Буховца.

⁶ «Слово за избирателями» (беседа с председателем Центральной комиссии по выборам М. Лагиром) // «Советская Белоруссия», 15.02.1990 г. С. 1.

⁷ Текущий архив Центральной комиссии РБ по выборам и проведению

республиканских референдумов. Протоколы пасяджэнняў Цэнтральнай камісіі на выбарах Прэзідэнта Рэспублікі Беларусь № 10–14; «Народная газета». 12.07.1994 г. С. 1.

⁸ Коэффициент конкордации данных голосований белорусских регионов по избирательной активности – $W=0.84$.

⁹ Коэффициент конкордации голосования за сохранение СССР в 1991 г. и за Лукашенко в 1994 г. – $W=0.92$.

¹⁰ Текущий архив Центральной комиссии РБ по выборам и проведению республиканских референдумов. Протокол № 22 от 19.05.1995 г.

¹¹ Текущий архив Центральной комиссии РБ по выборам и проведению республиканских референдумов. Протокол № 41 от 26.11.1996 г.

¹² С 1991 г., референдума о будущем СССР, и до референдума 1995 г. коэффициент конкордации данных голосования регионов по избирательной активности очень велик – $W=0.82$. Если же мы включаем в этот ряд данных данные референдума 1996 г., он сразу же резко падает – $W=0.62$.

¹³ Хотя выборов и референдумов в Белоруссии больше не проводилось, проведенный Независимым институтом социальных, экономических и политических исследований в июне 1997 г. опрос показывает готовность населения разных регионов голосовать за Лукашенко. В Минске готовы были голосовать за него 17,5% опрошенных, в Гродненской области – 36,1%, Брестской – 46,5%, Минской – 50%, Витебской – 52,8%, Гомельской – 54%, Могилевской – 64,1% (см.: НИСЭПИ. Исследовательский проект «Преодоление антирыночных стереотипов в посткоммунистической Беларуси». Семинар 1. Аналитический доклад 4. Минск, 1997. С. 4.).

¹⁴ См.: «Национальный состав населения СССР (по данным всесоюзной переписи населения 1989 г.)». Москва, 1991.

Данные об употреблении языков в повседневной жизни – результаты опроса, проведенного НИСЭПИ в 1997 г. (Архив НИСЭПИ).

¹⁵ Пересчет таблицы, приведенной в книге: «Население республики Беларусь (статистический сборник)». Минск, 1997. С. 4–9.

¹⁶ Данные на 1989 г. Пересчет таблицы, приведенной в книге: «Народное хозяйство Белорусской ССР в 1989 г.» Минск, «Беларусь», 1990. С. 89.

¹⁷ Пересчет таблицы, приведенной в книге: «БССР в цифрах. 1989 год». Минск, «Беларусь», 1990. С. 48.

¹⁸ «Расходы и доходы населения в Республике Беларусь (выборочное обследование домашних хозяйств. II квартал 1997 г.)». Минск, Министерство статистики и анализа РБ, 1997. С. 27.

¹⁹ Наряду с большим русским меньшинством в Минске также относительно много (2,4%) евреев, общественная роль которых, естественно, как и везде, больше, чем их удельный вес. Точных данных у нас нет, но, по нашим наблюдениям, большинство их также испытывает сомнения и даже просто враждебность к народнофронтовскому национализму. Вряд ли большинство их голосовало за Позняка или против равного статуса русского и белорусского.

²⁰ Первая колонка – пересчет таблицы, приведенной в книге: «БССР в цифрах. 1989 год». Минск, «Беларусь», 1990. С. 4; вторая и третья взяты из книги: «Население республики Беларусь (статистический сборник)»: Минск, 1997. С. 4–9.

²¹ Цифры получены в результате пересчета таблицы, приведенной в статье Ю. Шевцова «Беларусь в религиозном измерении» // «Свободная мысль», 1996 г. № 8. С. 106.

²² Цифры получены в результате деления числа жителей области по переписи 1989 г. на число общин в данной области, взятое в статье Ю. Шевцова.

²³ По данным опросов, поляки – больше, чем другие национальные меньшинства, и немногим меньше, чем белорусы, поддерживали объявление белорусского языка единственным государственным языком. В 1989 г. за это высказывались 25,2% белорусов, 20,7% поляков, 18% украинцев, 17,8% татар, 17,5% литовцев, 13,4% евреев и 11,5% русских. См.: *Соколова Г.* Язык – наш друг // «Советская Белоруссия», 13.08.1992 г. С. 2. Белорусский ученый Ж. Тищенко пишет: «Сравнительно более других привержены оценке только белорусского языка как государственного... поляки». *Тищенко Ж.* Еще раз о «пропавших» белорусах // «Советская Белоруссия», 18.08.1992 г. С. 2.

²⁴ О роли белорусов-католиков в истории белорусского национализма см. статьи: *Рышард Радзiк* Релiгiйныя пераумовы фармiраваня беларускай мовы; *Вяляцiнiнa Грыгор'ева* Каталiцкая духавенства ля вытокаў беларускага адраджэння // Сб. «Беларусика – Albanihenica». Т. 2. Минск, 1992. Польский исследователь Анджей Садовский отмечает, что в Польше белорусы-католики скорее обладают белорусским, а белорусы-православные – неопределенным белорусско-русским самосознанием. См.: *Andrzej Sadowski.* Narody Wielkie i Male. Bialorusini w Polsce. Kraków, 1991. S. 94.

²⁵ Опрос, проведенный в 1997 г. НИИСЭПИ, выявил значительные различия восточнобелорусской и западнорусской морали. Так, представления о «достойной, счастливой жизни» связываются с семьей у 66,6% опрошенных жителей Гродненщины и только 50% – Могилевщины, с совестью – у 48,5% и 34,5%. «духовностью» – у 31,5% и 17,5%. Особо ценится в людях вера в Бога – у 61,6% жителей Гродненщины и только 18,5% – Могилевщины, терпеливость – у 34,3% и 17,8%. Опрос выявляет также более «прозападную» ориентацию гродненцев, среди которых значительно меньше, чем у могилевцев, страхов перед расширением НАТО (15,7% и 33,7%) и желания интегрироваться с Россией (за объединение в одно государство – 12,5% и 22,7%). См.: «Белорусский рынок», № 37, 1997. С. 21.

²⁶ О политических размежеваниях украинских регионов см.: *Элла Задоражнюк, Дмитрий Фурман.* Украинские регионы и украинская политика // Украина и Россия: общества и государства. Под ред. Д. Е. Фурмана. М., 1997.

²⁷ Биографии кандидатов приведены в «Народной газете», 9.06.1994 г. С. 2.